

Глава VI
Кто распял Иисуса Христа?

1. Синедрион

О Синедрионе времен Ирода, осудившем евангельского Христа, написано достаточно много. Согласно талмудической традиции, Ездра положил начало Великому Собранию Пророков и Мудрецов, которое он созвал в Иерусалиме по прибытии из Вавилона (*Мишна Авот*, I. 1). Оно действовало около двухсот лет, и последним из его мудрецов был Шимон (Симеон) Праведник. Его преемником стал его ученик — Антигон Сохоский (*Авот*, I. 3), житель города Сох в Иудее. После Антигона Сохоского начался период «парного» правления, то есть Синедрион и Талмудическую школу возглавляли двое: наси («князь», «председатель») и председатель раввинского суда (*Авот*, I. 4).

Главами Синедриона-Академии в рассматриваемый период были следующие исторические лица ¹:

Симеон Праведник	(ок. 200 г. до н.э.)
Антигон Сохоский	(ок. 190–160 гг. до н.э.)
Йоси бен Йозер и Йосеф бен Йоханан	(ок. 160–130 гг. до н.э.)
Йеѓошуа бен Перахия и Натай гаАрбели	(ок. 130–103 гг. до н.э.)
Йеѓуда бен Таббай и Симеон бен Шег'ах	(ок. 103–67 гг. до н.э.)
Шмайя и Авталион	(ок. 67–63 гг. до н.э.)
Гиллель и Шаммай	(ок. 63–40 ² гг. до н.э.)

Название *Синедрион* (*Сан Эдрин*, греч. синедрион — «соборание») во времена Ирода применялось к двум разным органам власти. Первый — это *Совет старейшин*, где председательствовал царь, а когда правящие цари не избирались, то Первосвященник. Совет старейшин являлся политическим и судебным органом. Другим органом был *Большой Синедрион* (или «бен дин» — суд), который, видимо, возник во времена после Антигона Сохоского и означал появление в стране двух отдельных институтов власти: исполнительно-законодательного и идеологического. В состав Большого Синедриона входил семьдесят один человек; им руководила, как уже говорилось выше, сменяющаяся пара ученых («цугот»), состоявшая из председателя (*наси* — «князь») и заместителя предсе-

¹ См. *Мишна Авот*, а также *Рамбам*. Предисловие к «Мишне Тора». Датировка — А.В.

² Прот. Александр Мень также ссылался на существующее «предание, по которому Гиллель родился за 100 лет до н.э. (Сифре на Втор. 34:7)» (Мень о.Александр. История религии. 6 том). Гиллель, вероятно, погиб при репрессиях Ирода I в 40 г. до н.э.: установив контроль над страной, Ирод, как сообщает Иосиф Флавий, «казнил всех судей Синедриона (участвовавших некогда в суде над ним), кроме одного Самеи, равно как самого Гиркана» (ИД XIV., 9.4).

дателя (*аббет дин* — «отец суда»). Этот орган в основном занимался толкованием Библии, а также решал вопросы всеобщего образования, нормативов (правил) судопроизводства, прав женщин и пр. В его ведение входили также преступления против религии.

Надо заметить, что основные сведения о функциях этого органа известны из сообщений Иосифа Флавия и Талмуда. Но оба эти источника — идеологические и поэтому отражали не столько действительное государственное устройство (под водительством царя и саддукейской верхушки при Храме), сколько желательное фарисеям, то есть либерально-теократическое. В первую очередь это, конечно, затрагивает не сам факт существования Большого и Малых Синедрионов, а их компетенцию, которая, согласно позиции фарисеев, представлена более широкой, чем в действительности могли допустить иудейские цари.

Рассматривая время, на сто лет предшествовавшее общепризнанному времени Распятия, можно утверждать, что роль Синедриона периода властвования царя Янная и царицы Саломеи отличалась от той роли, которую придают этому органу периода Ирода Антипы и Понтия Пилата. Если считать данный орган неотъемлемой частью политической системы государства, наделенной такими функциями, как издание законов, разрешение судебных дел, не урегулированных местными судами, контроль над исполнением политических (выборы царя), военных (война) и религиозных (назначение Первосвященника) решений¹, — то, как и сама политика, неустойчивая и противоречивая, данный орган за сто лет бесконечных сумятиц и государственных потрясений, начавшихся для данного органа при царе Яннае и только усилившихся с его смертью, должен был претерпеть множество изменений. Но даже в самые лучшие времена, думается, тот перечень функций Синедриона, который приводится комментаторами, никогда не был осуществлен в полном объеме. Первосвященники во времена «мерзости запустения» (периода *Антиоха Епифана*, 175—164 гг. до н.э.) были ставленниками иностранцев и были презираемы народом; при Хасмонеех (со 152 г. до н.э.) Первосвященниками стали сами цари, против чего категорически возражали поддерживаемые народом фарисеи; не лучше дело обстояло с этой должностью и после смены хасмонейской династии Иродами. Главы так называемого *Большого Синедриона* во времена Янная скрывались от царя, с объявлением войны Синедрион в лучшем случае лишь соглашал-

¹ Аттиас Ж.-К., Бенбасса Э. Еврейская цивилизация. Энциклопедический словарь. М., 2000. С.163.

ся, а перенос на Собрание мудрецов тяжести судебных разбирательств по всему кругу правоотношений, превращение законоучителей в постоянно заседающих судей вообще кажется нереальным. Если до Хасмонеев крохотная территория Иудеи могла позволить себе жить по законам большой общины, то во времена завоевательных войн Хасмонеев, особенно Янная (103–76 г. до н.э.), площадь государства увеличилась в десятки раз (!), что не могло не отразиться на функциях всех ранее действующих политических органов. С того времени, как Гиркан I (134–104 г. до н.э.) стал величать себя «этнархом», а последующие Хасмонеи — «царями», трудно представить, что рядом с царским двором существовала явно неподконтрольная царю оппозиция, обладавшая правом отдавать собственные, причем общеобязательные приказы. Разве что в периоды междоусобицы, скажем, в период вражды сыновей Саломеи и до воцарения Ирода Великого (с 73 по 40 г. до н.э.), а также после разрушения Храма (70 г. н.э.) Синадрион мог из-за отсутствия монархической власти прибрать к рукам в той или иной степени управление страной. Даже такая функция Синадриона, как регулирование религиозной жизни, представляется относящейся к более позднему времени, не ранее римского завоевания Иудеи. До того религиозная жизнь связывалась исключительно с деятельностью Храма и регулировалась, безусловно, жреческой потомственной кастой. Мудрецы, которые начиная с Антигона из Сохо стали образовывать некий доктринальный и вероучительный орган, фактически противостоявший храмовому жречеству, должны были многие десятилетия завоевывать авторитет, прежде чем в их руки, со времен, вероятно, Гиллеля (I в. до н.э.), перешла функция издания указаний, обязательных для всех иудеев (хотя последнее — спорно). Появление так называемого Синадриона, на который были возложены судебно-административные функции, скорее всего, произошло при установлении в Иудее колониального правления римлян или, что вероятнее, только после разрушения Второго Храма (70 г. н.э.).

В 58 г. до н.э. страна была разделена на пять небольших административных единиц, каждой из которых руководил совет из видных местных жителей, в основном из числа саддукейской потомственной знати¹. Данные органы строились по аналогичному в античном мире примеру *герусии* — общественного совета самоуправления. Потребовалось более полувека, чтобы ко времени

---

¹ Грант М. История Древнего Израиля. М., 1998. С.243.

Ирода Антипы Синедрион приобрел в той или иной мере характер судебно-религиозного органа, в котором не менее половины мест оказались за партией фарисеев. Но во времена царицы Саломеи и её брата Симеона бен Шет'аха такого могущественного органа, скорее всего, еще не существовало.

Вызывает сомнение и традиционное отнесение местонахождения данного органа к Иерусалиму. Если речь идет о *Совете Старейшин* — придатке царского двора и царской власти, то его расположение в столице государства не вызывает никаких возражений. Однако если речь идет о религиозно-философском органе, состоящем из лучших ученых того времени, непрерывно ведущих занятия в Академии, то Иерусалим с его шумом и дворцовыми интригами, с потенциально неизбежными стычками с саддукейской верхушкой Храма — не самое лучшее место. Как мы показали в нашем исследовании истории города Лидды¹, расположение Большого Синедриона до и во времена Гиллея (и, надо полагать, век спустя) приходилось на район Явны-Лидды, хотя не исключено, что данный орган, в зависимости как от политических условий, так и от обстановки в Академии, неоднократно менял свое местонахождение. Кроме того, еще раз подчеркнем, что восприятие Синедриона как устоявшегося политического института с ясными функциями и регламентом сложилось не ранее начала I в. н.э. Если бы было иначе, то в Талмуде была бы отражена регламентация данного органа не менее развернутая, нежели описание жреческого ритуала во «Второзаконии» и «Левите». До этого времени орган, получивший название «Большой Синедрион», представлял собою Академию мудрецов, и в лучшем случае в качестве нормообразующей инстанции определял датировку лунно-солнечного иудейского календаря, начало новомесячий и пр. для ритуальной жизни граждан (храмовую жизнь определял календарь саддукеев). В качестве же управляющего органа в крупных городах Иудеи существовали *собрания*, в том числе и в Иерусалиме, на которые была возложена многотрудная судебно-распорядительная функция.

Однако во время Саломеи и Симеона бен Шет'аха, в течение девяти лет (76–67 гг. до н.э.) создалась уникальная в истории Иудеи ситуация, когда власть, если верить Иосифу Флавию, фактически оказалась в руках фарисеев. В первой части мы показывали, что в это время Симеон бен Шет'ах, будучи главою Акаде-

¹ См. Часть I. С.163-165.

мии (Синедриона), фактически узурпировал управление всей страной, законодательную, судебную и исполнительную власть. Если возглавляемая им Академия мудрецов находилась в это время в Лидде, то это отчасти объясняет, почему суд над Иисусом и его казнь были осуществлены именно в данном городе, а не в столице — Иерусалиме.

2. Симеон бен Шет'ах

Рассматривая тексты Кумранской общины, в первой части ¹ мы выдвинули предположение, что под «Каплющим ложью» автор или авторы текстов подразумевают Симеона бен Шет'аха. Он же предстает и тем лицом, которое изобличает «незаконнорожденность» Иисуса, согласно «Тольдот Иешу». А поскольку Симеон и был в интересующее нас время главою религиозного суда, то даже с формальной точки зрения именно он и должен быть признан если не главным виновником, то безусловно — главным участником казни Учителя. В этой связи представляется важным уделить более пристальное внимание личности данного радетеля благочестия, а также исповедовавшимся им ценностям.

Надо сказать, что весьма скрупулезный в своих историях Иосиф Флавий, главный источник информации о событиях того времени, практически ничего не сообщает о личности Симеона. Возможно, это объясняется тем, что глава Синедриона был «серым кардиналом», не производившим особого впечатления на окружающих. Все сведения о данном персонаже могут быть почерпнуты исключительно из Талмуда. Мы уже касались существования в еврейской традиции на протяжении четырехсот лет двух противоборствующих школ — Гиллеля и Шаммая. Для понимания различий данных школ без углубления в метафизику и мистицизм приведем наиболее известные примеры, вполне обрисовывающие характер обоих законоучителей. Напомним только, что Симеон бен Шет'ах по духу с очевидностью был близок к возникшей уже после него школе Шаммая.

Нельзя сказать, что у двух школ были две разные доктрины и что по учению Шаммая мы узнаем о том, каким представлялся мир Симеону бен Шет'аху. Скорее всего, у последователей Шаммая, так же как и у предшествующего им Симеона бен Шет'аха, вообще не было никакой особой доктрины, отличной от обыденного буквалистского понимания Писания. Соответственно, при отсутствии особой доктрины и передавать в части знаний оказывается нечего. Различие двух указанных школ может быть обнаружено скорее в области характера, психологии, или, как говорят, в области «особенностей работы левого и правого полушарий головного мозга». Мы не можем здесь углубляться в причины, почему иногда два человека, например, близнецы, воспитанные при одинаковых условиях, имеют совершенно разные характеры, избирая

¹ См. Часть I. С.79, 81-82, 223, 250.

судьбу один — героя, а другой — мерзавца. Или почему, как говорят духовидцы, у одних от рождения душа озарена солнцем, а у других — этот свет еле теплится и быстро замещается на черноту ночи.

В талмудической литературе приводятся характерно противоположные взгляды обоих глав школ. Например, трактат «Пиркей Авот» учит:

«Умножайте число учеников» (П.А. 1:2). На это школа Шаммая говорит: «Преподавать нужно только ученикам умным, скромным, богатым и из хорошей семьи». Школа Гиллеля говорит: «Преподавать нужно любому, ибо много грешников было в Израиле, которые впоследствии приблизились к Торе и стали праведниками» (*Авот де раби Натан*, 2) ¹.

В другом сочинении:

Рассказывают про старца Шаммая: ежедневные трапезы его были ради субботы. Найдет на рынке хороший кусок мяса и говорит: «Беру его на субботу». Найдет еще лучше — оставляет на субботу и готовит первый. Старец Гиллель поступал по-другому. Он говорит: *Благословен Господь каждый день (Теилм 68:20)*. Поэтому учат: школа Шаммая говорит — вся неделя ради субботы, школа Гиллеля говорит — *Благословен Господь каждый день (Бейца 16)* ².

Полтора года спорили школа Шаммая и школа Гиллеля. Эти (Шаммай) говорят: лучше бы человеку не быть сотворенным, те (Гиллель) говорят: хорошо человеку, что он сотворен. Проголосовали и решили: лучше бы человеку не быть сотворенным. Но раз уж его сотворили — пусть задумается о своих делах (*Эрувин*) ³.

При знакомстве с высказываниями Гиллеля и Шаммая у нас может даже сложиться мнение, что это спор между христианами (Гиллель) и фарисеями (Шаммай), настолько высказывания Гиллеля близки историческому Иисусу, предшественнику или, может быть, даже современнику Иисуса. Например, рассказывается, что однажды к Шаммаю пришел иноверец и сказал, что примет иудаизм при условии, если Шаммай научит его всей Торе, «пока хватит у меня сил стоять на одной ноге». Шаммай рассердился и выгнал его. Тогда тот пришел к Гиллелю. Гиллель сказал ему: «То, что не-

¹ Литература Агады. Иерусалим-М., 1999. С.71.

² Там же. С.83.

³ Там же. С.86-87.

навистно тебе, не делай ближнему своему, — это вся Тора. Остальное — комментарии. Иди и учи» (*Шаббат* 31а) ¹.

Ряд авторов выделяет заметный религиозный формализм, свойственный школе Шаммая. Например, о выходе из этой школы, законоучителе *Элиэзере*, пишет А.Штейнзальц: «Как и Шаммай, он стремился к предельной чистоте мышления, что на практике приводило к ужесточению позиций и оборачивалось неспособностью к компромиссам... Но Тора рабби Элиэзера была похожа на него самого: жесткая, категоричная, не оставляющая места для дискуссий, не способная принять чужое мнение» ². Между школой Шаммая и школой Гиллеля происходила ожесточенная борьба за трактование Торы и за установление основных принципов иудаизма. Известно, что Гиллель обучался у Шмайи и Авталиона — двух мудрецов, глав Синедриона (обрезанных не-евреев, или детей таковых) и принял от них традицию школы ³. О Шаммае же говорится, что он стал *наси* «взамен таинственного Менахема» (Хагига, гл.2:2) ⁴, т.е. лица, о котором в Талмуде ничего не рассказывается. Мы склоняемся к тому, чтобы под *Менахемом* видеть временного малозначимого заместителя главы раввинистического суда, сменившего умершего Симеона бен Шет'аха. Можно предположить, что Гиллель и Шаммай главенствовали сразу после Симеона бен Шет'аха (и что Гиллель погиб в 40 г. до н.э.). Если верить талмудическим источникам, что Гиллель умер в 5–10 г. н.э. и что он прожил 120 лет, то во время казни исторического Иисуса Христа, или Учителя Праведности (в 70 г. до н.э.) Гиллелю должно было быть 30–35 лет. Известно, что передача власти Гиллелю в Синедрионе (Академии) произошла довольно необычным способом, вопреки устоявшейся традиции, что можно объяснить хаосом в стране, как раз и наступившим со смертью Саломеи (67 г. до н.э.) и с завоеванием Иудеи римлянами (63 г. до н.э.).

Раввины утверждают, что составители Талмуда в споре двух школ заняли позицию Гиллеля. Если это так, то талмудические сведения о Симеоне, к которым мы сейчас обратимся, не должны рассматриваться как традиционная односторонняя апологетика, а в своей иносказательной части, в агадах-притчах — наиболее древней части Талмуда, они могут содержать скрытую и даже едкую про-

¹ Литература Агады. Иерусалим-М., 1999. С.242.

² Штейнзальц А. Мудрецы Талмуда. М.-Иерусалим. 1996. С.67.

³ Авот I, 10, 12; см. также А.Штейнзальц. Мудрецы Талмуда. М.-Иерусалим. 1996. С.10

⁴ Штейнзальц А. Мудрецы Талмуда. М.-Иерусалим. 1996. С.23.

нию. Кроме того, под оболочкой бесхитростного рассказа могут содержаться важные исторические сведения.

В этой связи любопытна агада, рассказывающая о расправе Симеона над «восьмьюдесятью колдуньями». Произошло это как раз после того, когда его избрали главой Синедриона («наси»). Данный факт, судя по всему, имеет непосредственное отношение к распятию ок. 100 г. до н.э. «сотен и тысяч Посвященных» в городе Лидде, о чем мы рассказывали в первой части ¹. Мудрецами, распятыми в Лидде, по утверждению Е.П.Блаватской, были назареи Галилеи ² (где позднее был построен город Назарет), земли которой только в 104 г. до н.э. были окончательно присоединены Аристокбулом к Иудее. Яннай, по свидетельству Флавия, совершил казнь при помощи наемников-чужеземцев ³ (см. далее о «молодцах» в «пещере колдуний»), ибо такое количество мудрецов, даже из славящейся вольнодумством Галилеи, сами иудеи никогда уничтожить не согласились или не решились бы. Данное событие послужило прообразом евангельской притчи об избииении Иродом 40 000 «младенцев», то есть посвященных. Эта расправа стала причиной ухода оставшихся мудрецов либо в пещеры и пустыни, либо в другие страны. Среди скрывавшихся, вероятно, были и первые члены возникшей именно в это время (ок. 100 г. до н.э.) на берегу Мертвого моря Кумранской общины. Агада рассказывает:

В пещере колдуний

Когда Симеон бен Шет'ах был избран *наси*, пришли к нему и сказали: — В пещере близ Аскалона ⁴ скрываются восемьдесят колдуний.

В один ненастный день собрал р. Симеон восемьдесят юношей, рослых и сильных, и велел им следовать за собою. Каждому из них он дал по новому кувшину со свернутым в нем чистым плащом. Юноши поставили кувшины опрокинутыми себе на головы, и р. Симеон сказал:

¹ См. Часть I. С.148-149.

² Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. Т.2. С.131.

³ Иосиф Флавий отмечает, что в то время Яннай «содержал наемные писидийские и киликийские войска» (ИД XIII, 13.5). Писидийцы были «воинственным и неукротимым народом», проживавшим на горах Тавра (Словарь античности. М., 1989, с.432), а Киликия в это время служила пристанищем для пиратов (там же, с.261).

⁴ Аскалон (Ашкелон) — древнейший город-гавань на побережье Средиземного моря (около 60 км западнее Иерусалима), одна из пяти филистимских столиц. Упоминается уже в письмах Амарны. Славился процветающей торговлей. Во времена завоеваний Янная — единственный на иудейском побережье город, избивавший железной хватки (покорения) Янная (Грант М. История древнего Израиля. М., 1998, с. 27, 78, 239).

– Когда я крикну по-птичьему, накиньте на себя плащи; крикну вторично – бегите все в пещеру и, схватив каждый по колдунье, поднимите их вверх, ибо таково свойство колдуна: отделишь его от земли – он ничего сделать не может.

Пошел р. Симеон и, став у входа в пещеру, стал звать, выкрикивая:

– Ойим! Ойим!..¹ Отоприте! Один из ваших я.

– А каким образом, – спрашивают колдуны р. Симеона (также успешшего закутаться в сухой плащ), – ты в дождь сухим остался?

– Я между каплями пробирался, – объяснил р. Симеон.

– А чего ради пришел ты?

– Поучиться и вас поучить. Покажите-ка каждая свое искусство.

И вот, поколдовала одна – и серебро в хлеб превратилось. Поколдовала другая – из железа мясо выковалось. Третья – расплавленная медь бульоном закипела. Четвертая – растопленное золото вином заструилось.

– Видишь, – говорят колдуны, – какой мы тебе пир устроили. А ты что умеешь сделать?

– Вот что: чирикну раз и другой – и явятся восемьдесят женихов, одетых в совершенно сухие плащи, – и будете вы пировать и веселиться с ними. Чирикнул р. Симеон раз – надели юноши плащи; чирикнул вторично – все сразу появились в пещере.

– Выбирай каждый свою суженую! – крикнул р. Симеон. Схватили юноши колдуний, вынесли их из пещеры и всех повесили.

(Иерусал. Талмуд; Хаг.; Санг., б; Паши)²

Аллегоричность сказания очевидна. Главный судья, на которого возложена обязанность следить за «чистотой веры», принимаемый за «своего», проникает в место, где пребывает некая секта. Происходило ли это вблизи Ашкелона, что довольно странно, ибо в то время на Ашкелон и прилегающую к городу территорию власть Иерусалима не распространялась, или же это было в другом удаленном от царской власти месте, утверждать трудно.

Традиционно мораль данной агады видится в борьбе защитника Торы с языческими суевериями. Однако разделить это мнение мешает символизм агады, полностью соответствующий набору ключевых понятий оккультных таинств высшего порядка. Читатель, знакомый со средневековой алхимией и каббалистикой, легко увидит в описанном в агаде колдовстве схему классического алхимического превращения четырех оккультных *металлов*: серебра (Луна), железа (Марс), меди (Венера) и золота (Солнце) в предметы

¹ Пароль у колдунов. Ср. с «Аум», произносимым буддистами и индусами как «Ом» с протяжным «О».

² Цит. по : Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. Ростов-на-Дону, 2000 г. С.331-332.

живого мира, имеющие особый сакральный смысл: хлеб (*плоть*), мясо (*кровь*, или *животная душа*), кипящий бульон (*духовная душа*), вино (*дух*). Всё это — элементы мистериального культа, известные за тысячелетия до христианской эры. Суть мистерии состояла в алхимическом преобразовании «ветхого человека» в бессмертный дух. В египетском обряде культа Исида жрец, например, благословляя чашу, произносил ритуальную фразу: «Ты есть чаша вина, но не вина, а лона Осирисова»¹.

Можно, конечно, предположить, что в течение стольких веков талмудисты переписывали незатейливую историю про колдуний и вызывающий улыбку финал. Однако, по мнению специалистов, — о Талмуде можно думать всё что угодно, но он меньше всего похож на сборник анекдотов. Агады, несмотря на их мифологическое (сказочное) содержание, относятся к роду сакральной метафизической литературы. Как отмечает проф. А.Шинан, «согласно свидетельствам многочисленных источников, этот род литературы (агады) возник именно как устное творчество. Много веков подряд произведения агадического творчества заучивались наизусть и многократно повторялись вслух. Записывать предание запрещалось. Так, в Талмуде недвусмысленно сказано: “Всё, что относится к устному преданию, запрещено записывать” (*Гигин 60б*). Более того, мудрецы Талмуда утверждали, что всякий, “кто записывает агаду, лишается доли в будущем мире” (*Иерусалимский Талмуд, Шабат 16:1*)»².

Стоит обратить внимание и на то, что в приведенной агаде превращения металлов указаны *строго в том порядке*, как они следуют в любой классической оккультной системе³, от низшего к высшему: *Луна* (серебро), обеспечивающая во всем живом мире процессы воспроизводства и телесного роста, используется для влияния на «тело» (эфирное тело) адепта; *Марс* (железо), связанный со страстями и животными проявлениями, — на «кровь» (низшую душу, или астральное тело) адепта, *Венера* (медь), связанная с высшими эмоциями человека, — на душу-ум (высшую душу-манас) и, наконец, *Солнце* (золото) — на бессмертный дух человека,

¹ Динини А. У истоков христианства. М., 1989. С.22.

² Шинан А. Вступительная статья к кн.: Литература Агады. Иерусалим-М., 1999. С.18.

³ Приводимые нами соответствия металлов и планет точно соответствуют указанным в статье В.Н.Топорова в «Мифах народов мира». Т.2. С.146 (статья «Металлы»), а также в статье «Металлы» в Астрологическом энциклопедическом словаре. М., 1994. С.271.

его высшее «Я»¹. То есть последовательно указаны: *тело*, *душа* (её высшая и низшая часть соответственно) и *дух*.

«Дождь» (вода) в легенде о колдуньях — это учение (знание). У многих народов сохранилось поверье, что капля дождя, рожденная Богом на небе, падает в океан (реку) и из нее затем образуется жемчужина. Жемчужина — это также символ сокровенного знания.

«Сухой», пробравшийся между каплями дождя, в талмудической интерпретации — это глава фарисеев Симеон бен Шет'ах, оставшийся не «запятнанным» инородными знаниями. Напомним, что кумраниты называли фарисеев «скользкими», «лавирующими», «изворотливыми».

«Плащ», упоминаемый в притче несколько раз и выступающий по сути средством (ключом) для проникновения в пещеру колдуний, согласно символизму магии, означает невидимость, сокрытие истинной природы человека (тогда как туника открывает истину); это маска темноты и неясности, секретности и скрытности². Кроме того, плащ является общепринятым символом философа, или по-

¹ Таким образом, в аллегорическом «колдовании» мы находим классическую триаду человека, которую выделяли, например, Пифагор, Платон, ап. Павел и Ориген: тело, душа и дух. В мидраше душа представлена двумя борющимися началами (Марс-Венера, или огонь-вода). Задача адепта заключалась в том, чтобы *душа* (нэфеш) оказалась притянутой к *духу* (руах), т.е. к Божественному, а не к животному началу. Именно поэтому посвященные не употребляли мясо животных (т.к. в нем кровь). Правила приготовления кошерного мяса (талмудический иудаизм) также направлены на получение максимально обескровленного мяса, ибо Библия гласит: «только строго наблюдай, чтобы не есть крови, потому что кровь есть душа (нэфеш): не ешь души вместе с мясом» (Втор. 17:11). В большинстве сакральных традиций святые и отшельники мяса вообще не употребляли (об этой традиции в христианстве см.: *Казанский П.С. Общий очерк жизни иноков египетских в IV и V веках. М., 1872. // В кн.: Сидоров А.И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М., 1998, с.453*). *Тело* и *Дух* в мидраше представлены антитезой, символически сводимой к таким парам, как: Луна-Солнце, серебро-золото, хлеб-вино, земля-воздух. При этом мы обнаруживаем четыре классические стихии (земля, огонь, вода и воздух), которые, однако, в алхимии преобразования человека (Адепта) не противостоят друг другу, как это абсолютизируют так называемые дуалистические учения, а гармонически сочетаются и преобразуются ради порождения искомого результата — «философского камня», который есть *духовное бессмертие*. Эти четыре стихии названы в первых словах Библии, при описании «Творения» мира: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий (буквально: «ветер Элохим») носился над водою. И сказал Бог: да будет свет» (Быт. 1:2-3). То есть перед нами так называемый крест, состоящий из пересекающихся пар противоположностей, названных Писанием: *земля-воздух*, *вода-огонь*, или: *материя-дух*, *вода-огонь*.

² Peter Greif's. Simbolorum. Статья «Плащ».

священного ¹. Иначе говоря, в случае с Симеоном и его «молодцами» плащ олицетворяет конкретное философско-религиозное направление, в данном случае — догматическое фарисейство, аналогичное школе Шаммая. (Если верно наше предположение, что автором данной агады были сторонники Гиллеля, то с помощью символа *плаща* в ироничном повествовании о Симеоне, таком же твердолобом последователе Торы, каковым являлся Шаммай, кроме всего прочего неявно подвергается критике позиция школы Шаммая.)

Насколько можно судить по данному в агаде описанию, здесь в схематичном виде представлено классическое мистериальное действо, известное в античном мире как популярные и общедоступные к тому времени Элевсинские мистерии ², имевшие начало в египетских мистериях Исида ³. На это указывает целый ряд признаков.

Как уже отмечалось, Ашкелон, вблизи которого находилась пещера «колдуний», являлся тогда по сути греческим городом. Многие историки и путешественники упоминают характерную особенность данного города — обилие голубей. Голубь в Азии издавна ассоциировался с Венерой (египетской Исидой, финикийской Ашторет, вавилонской Иштар, ханаанской Астартой и т.д.). В Ашкелоне голуби считались священными — их нельзя было убивать (у евреев, напротив, голубей, как дешевую птицу, приносили в жерт-

¹ См. Тертуллиан. О плаще. СПб., 2000. Ю.С.Довженко в статье к данному трактату Тертуллиана замечает, что «плащ становится и признаком конкретного философа “высшего образования”. Во многих случаях упоминаемые в источниках *graeci palliati* (красивые плащи) — это не просто одетые в паллий греки, но именно греческие философы или адепты греческой философии» (с.155). Далее Ю.Довженко пишет, что киники, например, носили паллий (плащ) на голое тело (Диоген Лаэрт. VI, 13; 31), «однако вряд ли нужно строго различать кинический и христианский паллий (плащ)» (там же, с.194). Со ссылкой на древнюю иконографию, Довженко обнаруживает символ плаща как неотъемлемый атрибут Христа (с.193) и Иоанна Крестителя (с.196), а о заповеди Нагорной проповеди «И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку (в оригинале — тунику), отдай ему и верхнюю одежду (в оригинале — паллум-плащ)» (Мф 5.40), Довженко видит аллегорический смысл данного наказа Иисуса в том, что «отдавая паллий (плащ), одевание самого Христа и его апостолов, ты “передаешь знак своей философии и как бы облачаешь того, кто прежде был гол, в одежду своего знания” (PL, XV, 1929, BC). Что можно увидеть в этом высказывании, — спрашивает Довженко, — кроме... мотива (преемства) “истинной философии”?» (там же, с.214). То есть передача плаща, или манипуляции с плащом в комментируемой нами агаде, означает какую-то операцию, касающуюся тайного знания или противостояния двух направлений знания («Правого» и «Левого»).

² Афины и Греция более чем двадцать веков посещали каждые пять лет Элевсинские мистерии, где показывалось торжественное религиозное действо.

³ См. свидетельства Солона (Платон. Тимей).

ву самые бедные). Д.С.Мережковский писал: «...в древнеханаанском городе Аскалоне, та же Мать-голубка ¹ нисходит на бога Сына, критского Кинира-Адониса, чьи таинства (“воззрят на Того, Кого пронзили”, Зах. 12:10) совершались на полях Меггидонских... у подножия Самарийских гор, где поклонялись Шехине ², исходящей от лица Господня Сиянию, в образе все той же белой Голубки-Матери ^{3» 4}.

Подробности мистериальных таинств Палестины нам не известны. Символ голубя как атрибут «Матери Мира» (Венеры) ⁵ обнаруживается как в греческих, так и в египетских и в семитических культурах. Голубь — атрибут Исиды, Астарты, Деметры (Коры). С IV в. до н.э. в Средиземноморье многими странами был принят мистериальный культ Деметры, фактически тождественный египетскому культу Исиды. Например, Ю.Циркин отмечает, что «в 396 г. до н.э. по решению карфагенского правительства культ Деметры и Коры был официально установлен в Карфагене... В это время вообще начинается триумфальное шествие Деметры по грекоязычному миру... В некоторых аспектах образы Деметры и Коры были близки к образам Астарты и Тиннит...» ⁶.

Но культ Астарты был характерен не только для Карфагена, но в целом для всех семитических народов. «Астарта — одна из не только древнейших, но и великих богинь семитского мира, — пишет Циркин. — По своим первоначальным функциям эта богиня, вероятнее всего, была богиней-матерью (т.е. матерью большинства богов. — *А.В.*)... у восточных семитов, аккадцев в Месопотамии, центральное женское божество имело очень похожее имя Иштар...» ⁷; «Для финикийцев Астарта была одним из самых основных и широко почитаемых божеств. Недаром греки считали всю Финикию страной, посвященной Астарте» ⁸; «Начиная с 1973 г. археологи

¹ подобная Св. Духу — евангельскому голубю. — *А.В.*

² *Шехина*, евр. — божественное присутствие. — *А.В.*

³ Ссылка Мережковского на: Schehinah. — Н. Holtzmann, Hand-Commentar zum. N. T., 1901. S. 44.

⁴ Мережковский Д. Иисус неизвестный. Харьков-М., 2000. С.197.

⁵ Древнее поклонение *Матери Мира*, отголоском которого является египетское поклонение Исиде, религиоведы обычно смешивают с культом *Великой Матери* (поздней *Кибелы* и пр.), который олицетворяет совершенно иные явления космогонического, планетарного и антропологического плана. Однако со временем оба культа действительно восприняли друг от друга многие внешние обрядовые черты, но различие между ними, тем не менее, осталось весьма существенным.

⁶ Циркин Ю. Мифы Финикии и Угарита. М., 2000. С.328-329.

⁷ Там же. С.297-299.

⁸ Там же. С.62.

раскапывают древний город Эбла в северо-восточной части Сирии ¹. Ученые расшифровали и прочитали многие найденные при раскопках тексты. И в них ясно упоминается Астарта, а порой она даже называется “богиней Эблы”, то есть совершенно очевидно играет роль верховной богини этого царства, которое занимало важное место в политической географии Передней Азии в III тысячелетии до н.э.... В I тысячелетии до н.э. Астарте поклонялись соседние с финикийцами народы — арамеи в Сирии, аммонитяне и моавитяне в Заиорданье, филистимляне в Палестине и даже египтяне...» ².

Что касается евреев, то, как пишет Циркин, «во II тысячелетии до н.э. культ Астарты был широко распространен в семитическом мире этого региона (Сирия-Палестина) и, видимо, уже тогда занимал первое место... В Библии говорится, что в самом начале завоевания Палестины... евреи начали служить Астарте и Балу... Культ Астарты оставался очень долго свойственен евреям... Культ Астарты далеко не был чужд царю Соломону... В VII в. до н.э. иудейский царь Манасия даже поставил статую Астарты в иерусалимском храме Йахве, и ей открыто приносились дары» ³. По мнению Циркина, «евреи были ближе к угаритянам, чем к финикийцам» ⁴, и «в ритуальных текстах (Угарита) Астарта появляется гораздо чаще (её статую, где она изображена сидящей на троне, в ходе какой-то важной церемонии вносили в царский дворец)... По-видимому, Астарта — западносемитская форма той же богини Иштар... Иштар была во многом небесной, звездной богиней (её звездой считалась Венера). Возможно, тот же характер сохраняла в Угарите и Астарта» ⁵; «часто встречается и изображение её (Астарты) в виде царицы, сидящей на троне. Трон был в данном случае столь важен, что порой изображался только он, и подразумевалось, что богиня незримо восседает на нем» ⁶.

Как нам представляется, указанный образ Астарты (богини, сидящей на троне) тождественен образу египетской Исиды, иероглиф которой изображал трехступенчатый трон. Циркин пишет и о пещерных храмах Астарты, что позволяет нам отождествить их с «пещерой колдуний» вышеприведенной агады. Циркин пишет: «может быть, это (пещерное культовое сооружение) связано с раз-

¹ Тель-Мардих, в 55 км к югу от Халеба.

² Циркин Ю. Мифы Финикии и Угарита. М., 2000. С.61.

³ Там же. С.297-299.

⁴ Там же. С.292-293.

⁵ Там же. С.284-285.

⁶ Там же. С.63.

личными типами святилищ Астарты. В Угарите и во всем сиро-финикийском регионе существовали пещерные святилища. В одном таком святилище могла почитаться Астарта»¹.

Астарта, в зависимости от жреческой школы, принимала разные астросимволические образы: в одних случаях это была Венера, но в большей части — Луна. Так что есть основания предположить, что агада о «колдуньях» под Ашкелоном в качестве прототипа для повествования использовала именно культ, тождественный мистериям Деметры или Исиды (напомним, что даже в христианской евхаристии с «хлебом» и «вином» многие религиоведы усматривают отражение аналогичного таинства из культа Исиды).

Чтобы лучше понять суть данного таинства и соотнести его с обрядами вероятных прообразов «колдуний» — повешенных Яннаем в Лидде Посвященных, рассмотрим наиболее известные сегодня Элевсинские мистерии (*Афинея*, 469 b, в изложении *К. Кереньи*). При этом заметим, что главный образ элевсинского действия, Деметра (Персефона), как будет показано далее, также олицетворяет Венеру-Луну — на космическом плане и мятущуюся двойственную душу — на плане человека. Карл Кереньи пишет:

“Последний день Великих мистерий в Элевсине посвящался достатку в его жидкой форме... Один сосуд устанавливался с западной, а другой — с восточной стороны, и оба переворачивались. Жидкость, которой они наполнялись, не называется. Когда сосуды переворачивались, произносилось «магическое заклинание» (*rhesis mystike*). Возможно, это заклинание сообщает нам один христианский автор, когда говорит, что «великая сокровенная тайна Элевсинских мистерий» заключалась в крике «*Hyē kyē!*» (Ипполит, *Refutatio*, V, 7, 34). Неоплатоник Прокл, живший слишком поздно, чтобы быть свидетелем нормального, традиционного проведения мистерий, также упоминает этот крик с примечанием о том, что первое слово жрец произносил громким голосом, глядя на небо, а второе — глядя на землю. Он интерпретирует их как взывания материнского и отцовского происхождения (Прокл, *In Timaeum*, 293C). В любом случае *hyē* должно переводиться как «Лейся!», а *kyē*, вероятно, следует переводить как «Зачинай»”².

Как и в истории с «повешенными колдуньями», в приведенном описании мы встречаем *дождь* (вызывание дождя), *перевертывание кувшинов* и следующие за этим *два магических крика* (в ага-

¹ Циркин Ю. Мифы Финикии и Угарита. М., 2000. С.284.

² Кереньи Карл. Элевсин: архитипический образ матери и дочери. Пер. с англ. М., 2000. С. 155-156.

де — «чирикания»). Правда, *дождь* в этом смысле означал плодотворяющее излияние, тождественное *семе* индусов, — одновременно источник жизни (*амрита*) и мудрости, или нисхождение рождающего Луча-Логоса. В греческом мифе рассказывается, что Персефона пошла гулять на поля Ниссы, т.е. поля Луны (Нисса означает «Луна»), над которыми владычествовал подземный Дионис¹, царь вина и распутства, где Дионис похитил её и увел в свое подземное царство. Согласно тексту гимна, похищение произошло на Ниссийской равнине, где разверзлась Дионисова земля. Гераклит утверждал: «Аид тождественен с Дионисом»². Когда мать Персефоны, Деметра, оплакивала похищенную Персефону, сидя у колдуньи (здесь символ Аида), к ней подошла местная царица и предложила кубок со сладким вином (символ бренного мира и обывательской мудрости³).

Здесь, в качестве небольшого отступления, необходимо пояснить использование древними языка символов. Символ никогда не бывает самоцельным, поскольку он есть только средство передачи той или иной идеи. Если бы в мифе «вино» подавал мудрец, а «вину» противопоставлялся бы какой-либо более приниженный символ (например, «солома»), то такое «вино» уже символизировало бы с очевидностью *горнее*, например «Божественную Мудрость», в противоположность «соломе» — шелухе, поверхностному знанию, догматизму. Поэтому «вино» в христианском причастии само по себе не является освященным Христом «напитком на все времена и для всех народов», а есть только *символ*, за которым в данной аллегории преподается великое таинство Духа. Символ «вина» стал удобным средством противопоставления Нового Завета Ветхому Завету, поскольку в Ветхом Завете сакрализировывалась «вода» как *дух* (в противовес *крови плоти* и её заместителю — «вину»). Высшим идеалом в Новом Завете также оставался *Дух*, но его выражением при совершенной Иисусом религиозной реформе стал но-

¹ В силу классической близочности антагонистичных богов (Осирис-Сет), Дионис также фактически являлся двумя антагонистичными персоналиями — героем и антигероем. Жрецы установили профанный культ, а первоначальное философски глубокое таинство Диониса, аналогичное Осирису, смешали с лунным культом, извратив и превратив солнечное священнодействие в оргиастическое празднество Вакха.

² Цит. по: Кереньи Карл. Элевсин: архитипический образ матери и дочери. Пер. с англ. М., 2000. С.63.

³ Местная царица в данном мифе олицетворяет бренность мира. В этом смысле «вино», поданное данной царицей, есть выражение антитезы *дольнее* — *горнее*, когда Деметра вынуждена изобрести совершенно иной, божественный напиток.

вый символ, «вино», тогда как «вода» в этой антитезе теперь стала означать *бренность, тело*. Для олицетворения духа мог быть использован любой иной подходящий предмет материального мира; т.е. суть не в форме (внешней видимости) символа, а в его значении, причем в значении не абсолютном, не в самом по себе, а по отношению к чему-либо.

Но Деметра, безусловно, зная, кто был похитителем её дочери, отказалась от предложенного напитка, заявив, что для неё отведать красного вина — означает пойти против *themis*, закона природы. Современные комментаторы объясняют, что, отказавшись от вина, Деметра изобрела другой напиток, который «принимался перед инициацией и стал приметой мистерий. Он назывался *кикеон* (ср. с криком «*Нуе кые*»)»¹. Согласно исследованиям, в состав данного напитка входили ячмень, вода и листья специального вида мяты, однако следует иметь в виду, что многие мистериальные знаки, открываемые для профанов, оставались всего лишь тенью и ширмой подлинного смысла тайнодействия. Священный напиток *сомы* индусов, подобно *кикеону* греков, ставший со временем «доступным» всем желающим, как известно, превратился у индусских жрецов в элементарное алкогольное возлияние (у греков, вероятно, священный напиток стал просто пивом). Но, согласно сакральной традиции, подлинная *сома* относилась к области *духовного пития*, тогда как реальный напиток, при всех его вероятных психотропных воздействиях, был всего лишь *образом*, каковым является, например, икона по отношению к изображаемому божеству. О том, что в Греции этот напиток первоначально не являлся алкогольным, свидетельствуют сообщения, что в период Великих мистерий Элевсина употребление вина, то есть алкогольное опьянение, было категорически запрещено².

У Еврипида можно прочесть:

Звездный Зевсов Эфир пусть поведет хоровод!
 Всех впереди Селена, богиня Луны, выступает,
 И пятьдесят следом за нею дочек Нерeya
 Кружат в безмерных пучинах глубин вековечных.
 Так почитают богиню в венце золотом из колосьев,
 Чтут и плющом увенчанную дочь [Персефону].

¹ Кереньи Карл. Элевсин: архитипический образ матери и дочери. Пер. с англ. М., 2000. С. 63.

² Там же. С. 155.

Таким образом, «восемьдесят колдуний», которые кружатся в танце, слишком сильно напоминают участников мистериального звездного танца-кружения. Согласно мифу, гуляющую с подружками Персефону (символ души, спустившейся в Ад, — тело) похищает Плутон (символ сил тьмы и Ада) и уносит в царство мертвых (здесь символически — «пещера»). Царь лапифов *Пирифой* пытается вместе с *Тесеем* похитить Персефону. За это он был прикован к скале («повешен») у входа в Аид (Аполлод. II 5, 12). Символизм мистерий был одновременно связан как с космогенезисом, так и с внутренним миром человека — антропогенезисом. В подземелье к мертвым нисходит Кришна, Орфей, Геракл, Иисус, спасая тем самым погибшие (или омраченные иллюзией мирской жизни) души. Символ «пещеры с двумя входами» Порфирий понимал как образ космоса—хаоса, в котором зарождается жизнь, а также как образ места испытания и посвящения адепта (или его души):

“Однако космос, темный и тумановидный в силу своей материальности, оказывается прекрасным и привлекательным благодаря сложным сплетениям и упорядоченному расположению образов, почему и называется космосом. Вполне справедливо называть и пещеру привлекательной для входящих в нее и встречающих в ней разного рода образы. Тем же, кто мысленно проникает в ее бездонную глубину, она уже представляется мрачной. Находящееся в наружной части и на поверхности — приятно; но то, что внутри и в глубине ее, — есть темнота. Недаром и персы при посвящениях в мистерии, сообщая мисту о нисхождении душ и об обратном их восхождении, называли место, в котором это происходит, гротом. По словам Евбула, Зороастр впервые посвятил творцу и отцу всего, Митре, естественный грот в горах вблизи Персиды, цветущий и богатый источниками, так как грот был для него образом космоса, созданного Митрой. А находившееся внутри грота и расположенное там в определенном порядке имело значение символов космических стихий и стран света. После Зороастра и все другие имели обыкновение совершать мистерии в гротах и пещерах, как в естественных, так и в искусственных. Действительно божествам Олимпийским посвящались храмы, святилища и алтари, богам же земным и героям — очаги, подземным — ямы и эдикулы (небольшие святилища), так пещеры и гроты посвящались космосу, а также нимфам, ввиду протекающих внутри пещер и из них вытекающих водных потоков, почему, как мы покажем, во главе нимф стояли наяды...

Двойственный характер пещеры (одухотворенный и материально-чувственный. — *А.В.*) брался для выражения не интеллигибельной (мыслимой), а чувственной сущности. И данная пещера [нимф], имея в себе неиссякаемые источники влаги, является

символом не интеллигибельной, а чувственной сущности. Оно (святилище-пещера) было святилищем наяд... Нимфами-наядами мы называем собственно потенции, присущие воде (символ зарождения. — *A.B.*), но, кроме того, и все души, вообще исходящие в [мир] становления (наш проявленный мир. — *A.B.*). (Гераклит) говорит: «Мы живем их смертью, а они живут нашей смертью» (22 В 77 *Diels*). Соответственно этому поэт [Гомер] называет находящихся в становлении «влажными», «имеющими влажные души» (*схоллии к «Одиссее», VI 201*), им приятны кровь и влажное семя, как и душам растений — питающая их вода... Души, связанные с телами, и души бестелесные, но увлекающие за собой тела, и особенно те, которым предстоит быть связанными с кровью и влажными телами, по необходимости тяготеют к влаге и к воплощению через влагу...

Платон говорит о двух устьях, через одно из них, по его словам, восходят к небу, через другое — спускаются к земле. Телологи вратами душ считали солнце и луну, полагая, что солнцем они поднимаются вверх, а луной сходят вниз... Платон говорил о чашах (*ср. Тимей, 41 d*). Но вместо амфор пользовался символом сосудов, а вместо двух ворот [пещеры] — берет два устья. Ферекид Сирский также упоминает углубления, ямы, пещеры, двери и врата, и всем этим намекает на становление душ и их уход (7В 6 D)» (*Порфирий. О пещере нимф, 6, 11*)¹.

В пещере нимф, согласно Гомеру, два входа: северный для людей, южный — для бессмертных богов, что, согласно Порфирию, означает у египтян: северный вход — место нисхождения людей в подземелье («путь смертных», сочленение зодиакальных Рака-Льва), а южный — место восхождения богов (сочленение зодиакальных Козерога-Водолея)².

Если верно наше предположение, что восемьдесят повешенных колдуний, это, кроме того, — распятые Яннаем в Лидде Посвященные, то, значит, символизм данной агады помимо космогенезиса и антропогенезиса содержит в себе еще и историческое повествование. Известно, что подобная многоплановость вообще присуща легендам Востока.

Мистерии были частью общей политики Афинского государства, и ко II—I вв. до н.э. их известность разнеслась по всему Средиземноморью. Поэтому в агаде о повешенных колдуньях легко опознаются элементы этих мистерий. Неискушенный слушатель этой

¹ Порфирий. О пещере нимф. // Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб., 1999. С.579-582.

² Там же. С.586.

агады придет к банальному нравоучительному выводу: Симеон бен Шет'ах расправился с лицами, имевшими отношение к чуждым иудаизму греко-египетским таинствам и языческому мировоззрению. Ведь именно греческая культура, под которую все более подпадал царский двор Хасмонеев (Гиркан, Яннай и пр.), вызывала основные нарекания ортодоксов-фарисеев в адрес царя. Однако за первым уровнем несложного символизма агады можно обнаружить гораздо более глубокие слои.

История «колдуний в пещере» имеет продолжение. Агада далее рассказывает:

Во славу суда и закона

Вступились родственники казненных колдуний, и двое из них оговорили сына р. Симеона в преступлении, караемом смертной казнью.

Когда приговоренный был выведен на место казни, он воскликнул:

— Если есть на мне вина в деле этом, пусть казнь послужит мне возмездием. Если же невинен я, пусть смертью своей искуплю все свои преступления, а кровь моя падет на головы ложных доносчиков!

Услыша эти слова, доносчики раскаялись и заявили:

— Мы свидетельствовали ложно.

Вознамерился р. Симеон тут же освободить сына, но тот сказал:

— Отец! Если желаешь, чтобы через тебя пришло спасение ¹, то оставь меня подобно «порогу на поспание» ².

*(Иерусал. Талмуд; Хаг.; Санг., б; Раши)*³.

Симеон, внявший словам будто бы здесь «сына» — о первенстве Закона, показан как непреклонный борец за торжество буквы Закона, стойко подавляющий «родственные чувства» и не взвешивающий на явную невинность осужденного. Это то самое буквалистское восприятие Закона, за которое Иисус в Евангелиях обличает книжников. Но были и другие фарисеи, подходившие к пониманию Закона гораздо более гибко, поэтому подобная твердолобость Симеона на страницах Талмуда выглядит скорее негативным примером неверного понимания Закона.

Но не исключено, что под «сыном» в агаде аллегорически показан Учитель Праведности. Судьбы Симеона и Иисуса были

¹ Т.е. поднят был бы престиж суда и закона. Дело в том, что, по действовавшим тогда правилам, отказ свидетеля после произнесения судебного приговора от данного им показания не являлся поводом к отмене назначенного подсудимому наказания.

² Т.е. предоставь меня своей судьбе, дабы не стали говорить, что законоучители лицеприятствуют своим близким на суде.

³ Цит. по : Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. Ростов-на-Дону, 2000. С.333.

слишком тесно связаны (см. «Тольдот Иешу»), и, как утверждает-ся в оккультизме, такие связи приходят из многих прошлых жизней. Думается, Достоевский провидчески усмотрел эту противостоящую Христу личность в Великом Инквизиторе, отдающем Спасителя на казнь, ибо он мешал господству иезуитов — тому же самому воплощению духа лжи.

Интересно отметить, что и в Евангелиях мы встречаем образ некоего *Симона*, в котором обнаруживаем сходные с Симеоном бен Шет'ахом черты. (Симон — это позднейшая форма ветхозаветного имени Симеон). Рассказывая о мистическом помазании Иисуса в Вифании, Евангелие показывает один и тот же ролевой типаж: «*фарисея Симона*» и «*Иуду Симона Искарюта*»:

“Это говорил Он об *Иуде Симонове Искарюте*, ибо сей хотел предать Его, будучи один из двенадцати” (Ин 6.71); “Мария же, взяв фунт народного чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса... Тогда один из учеников Его, *Иуда Симонов Искарюта*, который хотел предать Его, сказал: Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим? Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому, что был вор” (Ин 12.3-6). “Когда же Иисус был в Вифании, в доме *Симона прокаженного*, приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову... Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искарюта, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребренников” (Мф 26.6-7, 14-15, см. Мк 14.3).

“*Некто из фарисеев* просил Его (Иисуса) вкусить с ним пищи; и Он, войдя в дом фарисея, возлег. И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром. Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница. Обратившись к нему, Иисус сказал: *Симон!*... И, обратившись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты эту женщину? *Я пришел в дом твой*, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отёрла; ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи её многие за то, что она возлюбила много, *а кому мало прощается, тот мало любит*” (Лк 7.36-47).

Надо отметить, что *Вифания* — это деревушка в 10 км от Иерусалима на пути из Кумрана. Именно здесь останавливается Иисус перед последним въездом в Иерусалим и началом мистической Страстной недели.

Откуда же в Талмуде могло появиться антифарисейское веяние? Повторим, что Талмуд¹ не следует воспринимать как произведение, автор или авторы которого ясно и однозначно выразили магистральную линию своей доктрины. Здесь встречаются совершенно полярные решения одних и тех же вопросов, а комментарии полны споров и различных мнений. Если видеть за авторством Талмуда две борющиеся друг с другом школы, школу *Гиллеля* и *Шаммая* (I в. до н.э.), то очевидна близость Симеона бен Шет'аха (хотя бы жесткостью подхода и мертвенным ригоризмом) к Шаммаю. Хотя и принято считать, что Академия в Явне решила спор между двумя школами в пользу Гиллеля (более мягкого и щадящего при решении вопросов), однако в Талмуде можно обнаружить обе линии. Обратим внимание на то, что «литература агады, — как указывает проф. Иерусалимского университета А.Шинан, — создавалась в основном в Эрец Исраиль. Широко распространено ошибочное мнение, будто своего расцвета этот вид раввинистической литературы достиг в Вавилонии... (Однако) бóльшая часть агадического материала если не содержится в Иерусалимском Талмуде, то восходит к жившим в Земле Израиля танаим (составителям Мишны. — А.Ш.) и амораям (составителям Гемары. — А.Ш.). То есть даже те тексты, которые записаны в Вавилонском Талмуде, судя по языку, по содержанию, по именам мудрецов, от лица которых они передаются, на самом деле происходят из Эрец Исраиль (из Израиля)... Еврей-

---

¹ *Талмуд* сегодня представляет собой собрание разнородных произведений, имевших различное предназначение и различные поводы для появления. Самыми первыми по времени создания являются *Мидраши* — собрание моральных и этических комментариев к Библии (*агады*). Здесь стих из Библии поясняется притчей о деянии какого-нибудь человека, в результате чего между сказанным в Писании и в притче проводилась параллель. Первые мидраши появились, как предполагается, еще в VI в. до н.э. *Талмуд* же, строго говоря, является собранием высказываний, определяющих гражданские и религиозные законы. Его основа также была заложена, как предполагают наиболее смелые историки, в VI в. до н.э. Далее он разделился на два основных законодательных источника: *Мишну* и *Гемару*. *Мишна* — это свод изустных законов, в основном начатый во времена Гиллеля (I в. до н.э.) и окончательно объединенный и записанный рабби Йехудой Ха-Наси примерно в 185 г. н.э. Завершение этой части, осуществленное в Иерусалиме, называется *Иерусалимская Гемара* («Гемара» — завершение»). Свод, составленный в Вавилоне, называется *Вавилонская Гемара*. Соответственно, они образуют *Иерусалимский Талмуд* и *Вавилонский Талмуд*.

ские мудрецы в Вавилонии не ощущали потребности тратить духовные силы на создание агады, которая в значительной своей части полемична»¹. Другими словами, авторы агады вполне могли быть очевидцами отраженных в них событий, а содержащиеся в агадах о Симеоне бен Шет'ахе элементы глубокого мистицизма позволяют говорить об авторстве последователей Гиллеля.

Если опираться на такое понимание, то не вызовет ни малейшего удивления содержание другой агады о Симеоне, в которой он неожиданно получает вместе с купленным им *ослом* (символом *бренности и обыденности*²) случайно обнаруженную на шее осла *жемчужину*. *Жемчужина* на Востоке — это традиционный символ тайного *драгоценного знания*, которое скрыто от профанов, подобно жемчужине в раковине, а сама раковина, содержащая жемчужину, пребывает в невидимой *водной глубине* (символ оккультных наук). В «Зоѓаре», например, тайная мудрость, постигнутая его автором в пещере (ср. с пещерой колдуний), сравнивается именно с жемчужиной:

“...Мы слышали, что у собрата нашего Йохая имеется жемчужина, драгоценный камень. И я взгляделся в блеск этой жемчужины: она сверкнула, как свет обнаженного солнца, и осветила всю вселенную. И этот свет всегда струится с небес к земле и освещает всю вселенную, — до тех пор, пока не усядется Ветхий Днями (Бог Всевышний. — А.В.) и не воссядет на Престоле так, как подобает... Ступай, сын мой, ступай. Следуй за жемчужиной той, что освещает мир, ибо благоприятен для тебя час этот” (Зоѓар 1, 11а)³.

Однако Симеон бен Шет'ах в рассматриваемой нами агаде демонстративно от жемчужины отказывается, чтобы о нем не подумали, «будто он варвар» (т.е. язычник). Для него важнее, чтобы его считали принадлежащим к Йахве и к Торе, даже если речь идет об арабе. Примечательно, что агада касается учеников, учителя, обучения мудрости, а вовсе не правил поведения на улице. Конечно, это — притча, требующая к себе соответствующего отношения. О притчах, которыми и являются агады, в талмудической традиции говорится как об источнике глубочайшей мудрости: «Не относись к

¹ Шинан А. Вступительная статья. // Литература Агады. Иерусалим-М., 1999. С.13.

² В йахвистской части Библии «осел» выражает, напротив, положительное начало и по сути символизирует Спасителя и Йахве. Такое понимание символа «осла», воспринятое из буквального прочтения ветхозаветных аллегорий, перешло в церковное христианство.

³ Цит. по : Раби Шимон. Фрагменты из книги Зоѓар. Перевод и комментарии М.А.Кравцова. М., 1994. С.33.

притче пренебрежительно. Подобно тому, как при свете грошовой свечки отыскивается оброненный золотой или жемчужина, так с помощью притчи познается истина» (*III. Gau. P.*)¹. Составители данной агады, придав ей вид бесхитростного нравоучения о благочестии, бескорыстии и порядочности, все же поместили «жемчужину» *на шею осла*, противопоставив «осла» «жемчужине», взявшейся там неведомо откуда, — и таким образом оставили достаточно явные намеки на то, чтобы понимать этот рассказ не столь просто, как он представляется на первый взгляд. Была ли эта агада современна составителям Талмуда (II–V вв. н.э.), или же она, как и большинство ей подобных, была создана в глубокой древности, остается лишь гадать. Символ *осла* в иудейской традиции уходит в глубину тысячелетий, прежде всего к пребыванию поклонников *Иеговы* (как бы его тогда ни называли) в Египте². В предании различное отношение противостоящих школ к ослу выразилось в легенде о пророке Валааме и ослице. Для йахвистов Валаам — враг Израиля, а ослица — спаситель. Однако во фрагменте арамейского текста, обнаруженном на стене в Tell Deir 'Alla в долине Иордана (ок. 700 г. до н.э.), рассказывается другая история о Валааме, где он, напротив, выступает как положительный герой³ (а значит, *осел* — отрицательный).

Смысл «жемчужины» — прежде всего в её сакральности (тайне) и эзотеричности, в отличие от явного и обыденного. Мы можем только предполагать, какое знание могла иметь отвергаемая «жемчужина»: древнюю халдейскую каббалу, которой следовал собиратель агад — Гиллель, либо учение, подобное кумранскому, ессейскому. В любом случае образ пустытника-араба говорит о неиудейском, инородном происхождении «жемчужины» (ср. с религиозно-трактовкой текстов Библии как компиляции зороастрийских, вавилонских, индийских и египетских легенд). В приведенной агаде показывается, что Симеон бен Шет'ах принимает (покупает) профаническую интерпретацию учения, т.е. «осла», иными словами — шелуху учения, но возвращает чужеземцу потаенную «начинку» учения («жемчужину»). Не скрывает ли агада критику школоу Гиллеля поборников оболочки (буквы) Торы в ущерб её глубинному смыслу? Ведь речь в агаде идет не о честности

¹ Шир Гаширим Раба. // Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. Ростов-на-Дону, 2000. С.16.

² См. Приложение 12.

³ Hoftijj zer J., van der Koolj G. Aramaic Texts from Deir 'Aila, 1976; Hackett J.A. The Balaam Text from Deir Alla, BA 49, 1986. P.216-223.

сти Симеона: в Библии, если принимать текст буквально, покидающие Египет евреи, после того, как не без их участия Йахве уничтожил всех первенцев в семьях египтян, воспользовавшись тем, что египетские отцы и матери оплакивают первенцев, уносят с собой взятое в долг у египтян золото и серебро, другими словами, воруют чужое имущество без зазрения совести. Такое поведение для «богоизбранного народа», олицетворяющего вроде бы нравственность, весьма неуместно. Но библейское иносказание (в элохистском смысле) говорит, конечно, не о столь неблагоприятном поступке, а о знаниях фараонов, уносимых Моисеевыми евреями из египетского плена¹. Точно так же, иносказательно, нужно понимать и «осла», и не принятую Симеоном «жемчужину». Текст данной агады таков:

Находка

Р. Симеон вел торговлю льном. Чтоб облегчить ему труд по перевозке товара, ученики купили для него у одного измаильтянина осла. На шее у животного оказалась драгоценная жемчужина. Приходят ученики к р. Симеону и говорят:

— Отныне, учитель, тебе трудиться больше не придется.

— Почему? — спрашивает р. Симеон.

— Мы для тебя купили осла у одного измаильтянина, и на животном оказалась драгоценная жемчужина.

— А знал об этом продавец?

— Нет.

— Идите и отдайте ему жемчужину.

И сказал о р. Симеоне тот измаильтянин:

— Благословен Господь, Бог Симеона бен Шет'ах!

¹ Ср. у Макария Египетского комментарий на данный фрагмент Библии: «Извел же их со множеством серебра и золота, повелев каждому у соседа своего Египтянина занять сосуды золотые и серебряные. И вышли они из Египта, когда Египтяне погребали своих первенцев. У одних была радость об избавлении от тяжкого рабства: у других (у египтян) плач и сетование о гибели детей. Почему, Моисей говорит: это ночь, в которую Бог обетовал избавить нас. Все же сие есть тайна души (т.е. речь в иносказании идет о злключениях человеческой души, где Египтяне и пр. — это только образы. — А.В.), избавленной пришествием Христовым. Ибо слово *Израиль* толкуется у мне (образно, духовно. — А.В.), зрящий Бога, и он (такой человек, понимающий иносказание. — А.В.) освобождается от рабства тьмы, от египетских духов («Египет» в данном случае использован как *символ* плотского и низкого. — А.В.)» (47.5) (Макарий Египетский. Духовные беседы. // Указ. авт. Духовные Беседы, Послания и Слова. М., 1998. Репринт 1904 г.).

— А вы, — обратился р. Симеон к ученикам, — варваром считали Симеона бен Шет'аха? Услышать слова: «благословен Йахве¹, Бог иудеев» — для меня дороже всех сокровищ мира.

(Иерус. Талмуд, трактат Бава-Мециа, 2; Дебарим-Раба, 3) 2.

Если продолжить параллели между событиями вокруг кумранского Учителя Праведности и раввинским преданием, то под «жемчужиной», отвергнутой Симеоном бен Шет'ахом ради национального покровителя — *Йахве*, вполне можно предположить *вселенское учение кумранского Наставника*, или, согласно Евангелию, — Самого отвергнутого *Мессию-Христа*, который некогда триумфально въезжал в Иерусалим, подобно «жемчужине» на «шее» осла.

Возвращаясь к агаде о «повешенных колдуньях», необходимо отметить, что за первым одеянием рассматриваемой агады, позволяющим увидеть в лице Симеона бен Шет'аха обычного поборника иудаистского изоляционизма (в частности, против Ашкелона, как носителя «языческой» греческой культуры), можно открыть и дополнительный смысл, понятный человеку, знающему сущность противостояния между различными направлениями оккультизма.

Другие агады о Симеоне бен Шет'ахе вряд ли могут добавить что-то существенное к уже описанному и прокомментированному портрету. Мы их приводим только для полноты общей картины.

В частности, фарисей Симеон бен Шет'ах в агадической традиции предстает как возродитель благочестия Торы: «Весь мир оставался пораженным совершенной Яннаем казнью законоучителей, пока не явился р. Симеон бен Шет'ах, возвративший Торе её истинное величие» (*Кидд.*, 66) 3. Другая легенда аллегорическим языком рассказывает об учительском даре и благочестии Симеона:

Кто казней, кто милостью Господней

Во времена Симеона бен Шет'аха явилось триста назареев для совершения девятисот жертвоприношений 4. Найдя законным полторапта из них дать отпущение без жертвоприношения, р. Симеон обратился к царю Яннаю и сказал:

---

¹ В тексте — «Господь». В еврейской Торе использовано слово «Йахве», а замена его на слово «Господь» является теологической интерпретацией Йахве как Вселенского Божества.

² Цит. по : Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. Ростов-на-Дону, 2000. С.333.

³ Там же. С.328-329.

⁴ Назарей приносил три очистительные жертвы (300 x 3 = 900). — *Прим. перевод.*

— Триста назареев пришли для совершения девятистот жертвоприношений, но у них не на что купить жертвенных животных. Государь, дай ты половину стоимости, и я дам половину, и тогда они совершат жертвоприношения.

Царь Яннай дал половину стоимости, и жертвоприношения совершились. Донесли Яннау на р. Симеона:

— Да будет ведомо тебе, что все жертвенные животные были куплены на деньги, данные тобою. Симеон же не потратил ничего.

Разгневался царь Яннай, а р. Симеон, узнав о том, устранился и бежал.

Через некоторое время был пир у царя Янная, и бывшие на том пиру персидские вельможи стали спрашивать:

— Государь, помнится нам, бывал здесь некий старец, который поучал нас божественной мудрости. Сказал Яннай своей жене, — она же сестра р. Симеона:

— Пошли за ним и приведи его сюда.

— Поклянись, — ответила царица, — что не сделаешь ему никакого зла и (в знак этого) пошли ему свой перстень.

Царь поклялся и послал перстень. Р. Симеон явился.

— Зачем ты бежал? — спросил царь.

— Слышал я, что государь мой, царь, в гневе на меня, и, боясь, чтоб ты не велел казнить меня, я поступил, применив к себе слова Писания: «Укройся лишь на мгновение, пока гнев не пройдет».

— А зачем ты надсмеялся надо мной?

— Упаси Бог, не надсмеялся я над тобою. Ты оказал назареем помощь деньгами, я — властью Закона. Кто казною, кто милостью Божией.

— Отчего же ты не предупредил меня об этом?

— Если бы я предупредил тебя, ты, пожалуй, не дал бы ничего.

Посадил его Яннай между собою и царицей и сказал:

— Видишь, какой почет я тебе оказываю.

— Не ты, — ответил р. Симеон, — а Тора возвеличивает меня, ибо сказано у сына Сирахова: «Лелей ее, и она вознесет тебя и посадит среди вельмож».

(Бер.-Р., 91; Берех., 48) ¹

Наиболее из доступных смыслов этой талмудической легенды-наставления — показать фарисея Симеона бен Шет'аха, главу Синедриона, носителем истинной ортодоксии и благочестия (чем так стремились прославиться фарисеи), наличие которых снимает даже обязанность принесения кровавых жертв. Но не всё так просто. Назареи, собственно, так же как и ессеи (и кумраниты), не приносили кровавых жертв. Строго говоря, легенда возвышает Симеона не

¹ Цит. по : Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. Ростов-на-Дону, 2000. С.328-329.

только над царем и Первосвященником Храма, но и над назарейями, признанными среди иудеев носителями древнееврейской мистической и аскетической традиции. Согласно данной агаде, именно через главу фарисеев, Симеона, а вовсе не через жрецов Храма (саддукеев) и не через Первосвященника или назареев истекает милость Божья. Для читателя, не лишённого чувства меры, подобное сверхвозвеличивание весьма посредственного законоучителя скорее должно быть отнесено к очередному высмеиванию школой Гиллеля самовозвеличивания буквалистов и догматиков.

Говорить о скрытой иронии позволяет также упоминание автором агады в связи с назарейями цифры 300. Как известно, данное число соответствует гематрии буквы **Х** 'шин'. Можно заметить, что эта буква напоминает трехязыковое изображение пламени и на евр. означает «огонь» эш (**Ха**), а по большому счету, является выражением сути Шехины-Шакти (Божественного присутствия, Энергии). Слово *назары* имеет в себе корень «зар», аналогично означающее «огонь» или «свет». Ряд авторов видят в назарейях древних (еще домоисеевых) последователей Зороастра¹. Зороастрийцы же, как известно, были ярыми поклонниками Солнца и огня, который они поддерживали на высотах неугасимым. Данный солнечный культ был полной противоположностью лунному культу иерусалимского Храма. Назарейями были и Иоанн Креститель, и Иисус Христос (и его родственники). Названная в агаде цифра 900 соответствует гематрии буквы **#** (цади), символа «цадииков» — мудрецов. В эзотерическом символизме **У** есть символ знания, разделенного на «Левый» и «Правый» пути. Если на вопрос о том, к какой школе принадлежит адепт, приходил ответ с жирно окрашенной правой ветвью буквы, то это означало, что к Правому пути. Если буква писалась обычным образом — то к Левому пути² (ср. с половиной «приношения» Симеона). Таким образом, цифра 300, названная в тексте данной агады применительно к назарейям, позволяет соотнести их с культом огня, то есть с древнейшей зороастрийской традицией. Если это так, то автор агады, по меньшей мере, выражает

¹ Греческие писатели часто называют Зороастра ассирийским Назаратом. Александр Полигистор говорит о Пифагоре (ок. 600 г. до н.э.), что он был учеником ассирийского Назарата; Диоген Лаэртский говорит о Пифагоре, что тот был посвящен в мистерии «халдеями и магами», а Апулей прямо заявляет, что Пифагора учил именно Зороастр (*Блаватская Е.П. Зороастризм в свете оккультной философии. В сб.: Блаватская Е.П. Смерть и бессмертие. М., «Сфера», 1998. Вып. № 3. с.273-274*).

² См.: Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. Т.2. С.99.

тонкую иронию по поводу притязаний фарисея Симеона бен Шет'аха на свой приоритет перед Богом в сравнении с назарейями.

Не исключено, что эта агада помимо прочего повествует о раздоре, существовавшем между Симеоном и Яннаем в момент воцарения Янная в 103 г. до н.э. Как нами показано в первой части, в это время только что была завоевана Галилея — древнее место поселения назареев¹. Вероятно, тогда же решался вопрос о принятии Яннаем звания Первосвященника. Симеон же, будучи одним из лидеров фарисеев, как и назареи, выступил против нарушения древней традиции священства и, возможно, вместе со своей сестрой, Александрой-Саломеей, избравшей своим мужем Янная, планировал прибрать половину власти, а именно — священническую. Отсюда деление в агаде на царскую половину и священническую. В результате вспыхнувшего конфликта, о котором мы писали ранее², Яннай казнил несколько тысяч посвященных (назареев, или «младенцев»), а Симеон и прочие, добивавшиеся политических преимуществ, — бежали. О том, что агада свидетельствует о некоей «вине» назареев (за которую Яннай их и покарал), позволяет заключить законоустановление об их очистительной процедуре: «И вот закон о назарее, когда исполнятся дни назарейства его: должно привести его ко входу скинии собрания, и он принесет в жертву Господу одного однолетнего агнца... во всеожжение, и одну однолетнюю агницу... за грех, и одного овна... в жертву мирную» (Чис. 6:13-14)³.

Другая легенда рассказывает, как Симеон бен Шет'ах на суде против царского раба, убившего человека, заставил Янная встать с почетного места, чтобы царь наравне с заявителем предстал перед судом (ибо царь был хозяином раба, а хозяин раба по Закону нес ответственность за вред от своего «имущества»). «Встань, — говорит Яннаю р. Симеон. — Не перед нами стоишь ты, но перед Тем, по слову Которого сотворена вселенная» (*Санг.*, 19; *Танх. Гак.*, *Шофт.*)⁴.

¹ См.: Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. Т.2. С.131.

² См. Часть I. С.148-149.

³ Комментаторы обычно рассматривают указанную процедуру, как завершающую срок назарейства. Однако ни в одной восточной традиции аскетизм не рассматривался как временное состояние, после пребывания в котором аскет возвращался к традиционной мирской жизни, в том числе к употреблению вина и пр. Например, кумранский текст 4Q Sam^a (1 Цар.1:22) заканчивается словами: «назарей на все дни своей жизни» (Цит.: Новый библейский словарь. В 2-х частях. Ч.2. Пер. с англ. СПб. 2001, с.522).

⁴ См.: Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. Ростов-на-Дону, 2000 г. С.330-331.

Конечно, речь опять идет о насаждаемой фарисеями идее подчиненности царя Богу (читай — теократии), т.е. Закону (Торе), где земным судьей соответствия или несоответствия Закону, согласно представлению Талмуда, выступает глава фарисеев (а кстати, и брат царицы). Но до смерти Янная ничего подобного быть не могло, так как вся власть целиком находилась у царя и саддукеев. Многие фарисеи, как пишет Иосиф Флавий, до самой смерти Янная прятались на окраинах государства или пребывали за границей. Если суд протекал бы именно таким образом, то Яннай оказался бы присужден к штрафу (или того хуже¹), что совершенно нереально. Преувеличения в легенде скорее говорят или о её чисто нравоучительном, неисторическом характере, или о заочном осуждении Янная. Либо мы должны предположить заведомую ложь автора агады, либо же увидеть в ней тонкое порицание чрезмерных притязаний на святость главного догматика фарисеев. Если же обратиться к историческим реалиям, то Яннай убивал евреев тысячами, и предполагать, что он был подсуден фарисейскому суду, просто нелепо.

---

¹ Поскольку раб убил человека, т.е. еврея (раб в Иудее не назывался «человеком», а «человеком» назывался только еврей), то владелец раба мог понести достаточно серьезное наказание. Не исключено, что под «рабом» в легенде подразумеваются наемные войска, которые Яннай использовал при подавлении фарисейских мятежей, за что Яннай, по мысли автора агады, должен был нести ответственность (хотя бы и гипотетическую).

3. История Иудеи после Распятия

В 70 г. до н.э. Александра Саломея «впала в тяжкую болезнь» (ИД XIII, 16. 5). Достигнув возраста семидесяти трех лет, в 67 г. до н.э. (через три года после Распятия¹ Учителя Праведности — Иисуса Христа) она скончалась. После смерти матери Аристократы и Гиркан начали войну друг против друга, и каждый не нашел ничего лучшего, как обратиться за помощью к победоносным римлянам. В 63 г. до н.э. Помпей Великий захватил Иерусалим, вырезал жрецов Храма и вступил в *Святая Святых*, совершив тем самым акт поругания и святотатства (ИВ I, 7.6). Как пишет Иосиф Флавий: «Тогда всё преисполнилось убийства. Некоторые из иудеев были перерезаны римлянами, другие своими же земляками (ибо часть из иудеев поддержала римлян. — *А.В.*); были и такие, которые кидались в бездну или сгорали живьем, поджигая свои собственные дома, лишь бы не дожидаться угрожающей им гибели. Таким образом, погибло до двенадцати тысяч иудеев; римлян же пало очень немного» (ИД XIV, 4.4). Таким образом, спустя семь лет после Распятия наступил конец непродолжительной свободы иудеев. Впервые после так называемого «возвращения» из Вавилона, просуществовав самостоятельно всего восемьдесят лет (с единственным кратким перерывом), независимое еврейское государство пало. Жизнь Иисуса пришлось как раз на этот единственно благодатный в истории послевавилонских евреев период времени, когда Израиль был свободен. Легко заметить, что эпоха исторического Иисуса Христа разительным образом отличалась от эпохи евангельского Христа. Ведь во времена Ирода обширная и некогда самовластная Иудея времен Александра Янная была римлянами поделена на части, а затем, лишившись в 30-х гг. до н.э. статуса государства, превратилась в заурядную римскую провинцию со столицей в Цезарее (Кесарии) Приморской. Но во времена исторического Иисуса Иудейское царство было самостоятельно и самовластно. А потому во время исторического Иисуса не было ни римских легионеров, ни Пилата, которые могли бы разделить ответственность иудеев за преступное судилище. «На Вратах первого столетия нашей Эры, — писала Блаватская, — губительно пылали зловещие слова — “КАРМА ИЗРАИЛЯ”»².

¹ В первой части нашей книги отмечалось, что в тексте термином «распятие» мы будем пользоваться только как устоявшимся оборотом речи, имея в виду «привязывание к дереву» — т.е. вид казни, принятый у израильтян. Евангелие говорит прежде всего о Распятии в мистическом смысле, *символом* которого действительно выступает *Крест*.

² Е.П.Б.Т.Д. т.1/1, с.27.

Дальнейшие события были лишь закономерным следствием захвата страны чужеземцами. Около 45 г. до н.э. римский полководец Красс разграбил сокровищницу Иерусалима. Около 43 г. до н.э. Кассий обложил иудеев громадной данью и за неуплату денег лишил самостоятельности четыре города, в том числе Лидду, а жителей Лидды (вероятных участников издевательств над Иисусом) и трех других городов продал в иноземное рабство (ИД XIV, 11. 2; 12.2-3)¹. Участие в нанесении урона стране приняла даже стихия: в начале 30-х годов до н.э. в Иудее разразилось мощное землетрясение, принесшее громадные разрушения. Но впереди было еще несколько десятилетий, прежде чем началась эра *от Рождества Христова*, над миром взошла «Вифлеемская звезда», а ненавистный фарисеям ставленник Рима — царь Ирод, вопреки римским и иудейским законам, будто бы отдал мифический приказ об избии тысячи «младенцев».

Если говорить о непосредственных гонителях исторического Иисуса, Хасмонеях, то можно отметить, что Ирод (ум. в 4 г. до н.э.) истребил почти весь их царский дом и не остановился даже перед умерщвлением Мариамны (внучки Первосвященника Гиркана II, на которой он женился), хотя она была, как утверждают, самую любимую из его десяти жен.

Ровно через сто сорок лет после распятия исторического Иисуса Христа, т.е. в 70 г. н.э., Второй Храм, олицетворявший веру и нацию иудеев, был спален дотла. Любой претендент на родственную связь с домом Давида был римлянами выслежен и уничтожен. Причиненный стране ущерб в ходе подавления антиримского иудейского восстания достиг фатальных размеров, отчасти и потому, что сами иудеи-повстанцы придерживались тактики выжженной земли. От самого Иерусалима не осталось камня на камне, и возобновлять богослужение на пожарище Храма римлянами было запрещено. Более того, теперь римляне запретили и первосвященничество, и Совет старейшин. Так же как и Первое, бесславно закончилось и Второе Иудейское восстание (132–135 гг.), возглавлявшееся Симеоном бар Косиб'ой (Бар Кохба). После его подавления Адриан запретил само название «Иудея», дав провинции новое название — «Сирия Палестина». ² Иосиф Флавий, подводя итог причинам падения символа и мечты иудейского народа — Иерусалима, написал: «И всеми своими бедствиями он (разрушенный Иеруса-

¹ См. также: Краткая еврейская энциклопедия. В девяти томах. Иерусалим, 1996. Т.4. Статья «Лод».

² Грант М. История древнего Израиля. М., 1998. С.261.

лим) был обязан только тому, что вскормил поколение, которое и явилось причиной его гибели» (ИБ VI, 8.5).

Таким образом, глядя на историю Иудеи того времени, мы видим, как после Распятия исторического Иисуса Христа — Учителя Праведности страна медленно, но верно приближалась к своему трагическому финалу. Было ли это следствием распятия Бога, как думают христиане, или же тому причиной стали другие грехи иудеев, — как считают сами иудеи, или же так завершился для Израиля его астрологический цикл *сарос* (нарос), составляющий 616 лет (666 лунных лет, названных Апокалипсисом), или, наконец, все эти причины совместились — результат оказался поистине беспрецедентным: исчезло целое государство, по миру рассеялся переживший два тысячелетия чужестранствий народ, а на развалинах Римской империи, на неведомо откуда появившихся ветхозаветных книгах возникли три авраамические религии: раввинистический иудаизм, ислам и христианство.

